

люе" к реалистическому рассказу, при всем том, что в структуре текста сохраняются многочисленные элементы волшебной сказки.

В текстологической истории "Чугунной бабушки" имеют место стилистическая и сюжетно-композиционная доработки. Первая редакция сказа представлена автографом и публикациями 1943 - начала 1944 годов. Известная философская сентенция бабушки Анисьи здесь еще не имеет завершенной формы и выглядит так: "Работа - она штука долговекая. Человек умрет, а работа его до самых дальних прапнуков дотянется".

Промежуточной редакцией следует считать публикацию сказа в газете "Труд" (1944, 28 янв.), где размышления бабушки Анисьи приобретают широко известную афористическую форму: "Работа - она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется". Здесь появляется новый эпизод: диалог Горопина с женой, которая становится его "савтором". Окончательную редакцию "Чугунной бабушки" находим в сб. "Малахитовая вкатулка" (1944), где вводятся два концентуальных эпизода: раскаленная фигурка чугунной бабушки в расстроенном воображении заводчицы "Наролилки" и повздорный разговор Горопина с управляющим.

Первый эпизод ужесточает сказ мотивами классовой ненависти и возмездия; второй - стандартизует образ представителя технической интеллигенции прошлого в духе вульгарных представлений об интеллигенции как о промежуточной, колеблющейся прослойке, которая никогда не имела твердой позиции, была способна изменить народу и т.д. и т.п. В том и другом случае Бажов уступает требованию "высокой коммунистической идейности", под которой разумелось не что иное как обострение классовой борьбы и социальной конфронтации.

М.А. Литовская

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ И АНДРЕЙ СОБОЛЬ: СПОР ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

В. Катаев в последних своих произведениях, пытаясь "вернуть утраченное время", неоднократно полемизировал с собой молодым и своим современниками, поверяя масштабом долгой жизни убеждения минувших дней. Родство книг В. Катаева "Уже написан Вертер" (1980) и А. Соболя "Салон-вагон" (1922) неоднократно отмечалось критикой (В. Каверин, Б. Сарнов, М. Чудакова), но переключка между двумя писателями нуждается в раскрытии и уточнении.

В повести "Уже написан Вертер" встречаются концептуально важные для В. Катаева имена писателей (О. Барбье, А. Франс), цитаты из стихотворений А. Пушкина, О. Мандельштама, Е. Пастернака. Но одна цитата большинством современных читателей не опознается: текст романа, который пишет Серафим Лось — это фрагмент "Бреда" А. Соболя "Салон-вагон". Более того, биография Лоса во многом совпадает с биографией А. Соболя, очевидно портретное сходство. Все указывает на то, что А. Соболя был основным прототипом Серафима Лоса.

Судьба А. Соболя, известного писателя 20-х годов, бывшего активного революционера, политкаторжника, комиссара Временного правительства, председателя Всероссийского союза писателей несколько раз в Одессе и Москве пересекалась с катаевской. "Уже написан Вертер" содержит следы явной полемики с давно ушедшим писателем, что проявляется и в изменении судьбы героя по сравнению с прототипом (расстрел и самоубийство), и в несомненной иронии по отношению к писательской манере Лоса, и в исправлениях, внесенных в цитаты из книг А. Соболя, и — в конечном итоге — в принципиальной разнице в пафосе послереволюционных произведений А. Соболя и повести В. Катаева.

Книжки А. Соболя — «о страданиях "депок", принесенных в жертву исторической и социальной необходимости» (Ю. Соболев). Гиляров, главный герой "Салон-вагона", восстанавливая "звенья" своей судьбы, полностью подчиненной подготовке и свершению революции, осознает свой жизненный путь как путь "в самом начале неверный". Он соглашается с тем, что революция — Вавилонская башня, строители которой перестали понимать друг друга. А. Соболя осредоточивает внимание на драматизме жизненной дороги своего героя — разубежденного революционера, пытающегося соединить в своем поведении верность революционному долгу и гуманность. Автобиография образа главного героя осознавался современниками А. Соболя, а последовавшее в 1926 году самоубийство писателя поставило точку в мечтаниях "человека из паноптикума" (З. Штейнман), воспринимавшихся в те годы сочувственно и осознававшихся как типические.

Позиция А. Соболя и его героя воспроизводится в позиции Лоса. Доминанта его поведения, по В. Катаеву, — "сведение счетов с отвергнувшей его революцией". Так же, как Гиляров, Лось готов

прийти на помощь ближнему, апеллируя к дружбе и благородству, и готовность эта также завершается трагически — гибелью от руки соратников, ведь перманентная кровавая революция не признает сантиментов. Но В. Катаев жестко оценивает своего героя, изменив масштаб видения, рассматривая судьбу Серафима в контексте мировой истории. Лось продолжает кровавый путь тех многих, которые не ведали, что творят. Попытки Лося совершить добро, спасая от расстрела невинного, не удаются: юности спасен сейчас, чтобы позже погибнуть от руки новой генерации палачей, в подготовке которых Лось принял невольное участие. Лось — такая же "жертва века", как и все остальные герои романа: он слишком поздно осознавая, что его увлекательная, полная приключений жизнь во имя революции этой революции не нужна. Он перестал быть бомбистом, обратился к писательству, но и в романе своем его больше волнует стиль, чем суть. Он способен только перечислять "звенья" своей судьбы. Наблюдая поверхность жизни, он не может вывести "формулы времени", тем самым "отпугнув злых духов ада", стать одним из тех "злых духов рая", какими оказались для своей эпохи Б. Пастернак и О. Мандельштам, его соотечественники и современники.

В мире А. Соболя существуют вечные ценности, ради которых герои приносят себя в жертву; сохраняется надежда, что революция, губительная для "обломков", кому-то принесет избавление. Писатель жалеет своих "выломившихся" героев, доказывая невозможность их дальнейшего существования в пореволюционном мире. В. Катаева больше волнует проблема вины "выломившихся", уничтожающих живую жизнь, породивших мир, в котором все вечные ценности принесены в жертву абстрактным несбыточным идеям, а любая Надежда при более пристальном всматривании оказывается Гильотинной. Для В. Катаева судьба — "жизнь, назло всему земному, разумному", она повторяется из века в век, никого ничему не уча. Прервать этот порочный круг может только слово, бесстрашно называющее зло по имени, но слово же может и увести в сторону от сути, прикрыв его "чем-то революционно-декадентским".